

Пустой разум отчаянно пытался придумать, что купить домой на ужин, нужно ли постирать вещи, вычесать пёсика, приготовить мясное пюре для маленького племянника...

Всё это лишь бы заглушить застрявший в горле ком жгучей досады и ревности.

Как же было бы прекрасно, если бы тем человеком, который непринужденно беседует с мужем, была она сама?

Увы, в том особняке, в их общем доме, по-настоящему жила лишь его жизнь.

Тем временем Хэ Е распрощался с заместителем генерального директора и неспешно направился к стоянке.

Мока подсказал ему: Поступило новое вознаграждение, 1 балл. Теперь на счету в общей сложности 15785 баллов.

Прибыль за последние годы поступала регулярно, то возрастая, то уменьшаясь, но в последнее время доходы заметно упали: один-два балла за раз, за весь день набегало всего чуть больше десятка — едва хватало, чтобы свести концы с концами.

Хэ Е чуть заметно улыбнулся, и в его черных как смоль глазах мелькнул живой интерес.

— Мока, пора уходить.

В его голосе не было и намека на сожаление.

Раз уж решение принято, тянуть он не станет.

Хэ Е разобрался со всеми делами в компании, а затем, оставшись в полном одиночестве, велел Моке выпустить душу заказчика — Ли Цзихэна.

Душа Ли Цзихэна все это время надежно хранилась в пространстве Моки.

Заданий было два: первое — отомстить Гао Цзюню, заставив его страдать всю оставшуюся жизнь; второе — сделать так, чтобы мать Ли и младшая сестра гордились им.

Хэ Е выполнил оба пункта.

Корпорация Ли процветала, противораковое лекарство гремело как в стране, так и за рубежом, помогая бесчисленным онкобольным облегчить страдания и замедлить распространение метастазов — поистине благо для всех страдающих этим недугом.

Более того, корпорация Ли вложила в эти исследования колоссальные материальные и финансовые ресурсы. На протяжении первых лет инвестиции продолжались непрерывно, без оглядки на окупаемость, и именно благодаря такой принципиальной позиции компании эти исследования смогли успешно и стабильно завершиться.

В то же время имя Ли Цзихэна взлетело на волне невероятной популярности, последовавшей за выходом лекарства на рынок.

Ли Линь и Ли Цзю гордились им всем сердцем.

Ли Цзихэну передали «воспоминания», заботливо сохраненные Мокой: под мягким нажимом Хэ Е Ли Цзю училась превосходно, а благодаря его целенаправленному наставничеству она

задолго до выпуска начала помогать Хэ Е вести часть дел компании. Ли Линь полностью отошла от дел, больше не интересуясь корпоративным бизнесом, и жила беззаботно, в полном достатке и душевном покое.

А Гао Цзюнь так и остался вечно у разбитого корыта, вечно гоняясь за тем, что было ему не по зубам.

Когда-то у него была возможность жить спокойной и обеспеченной жизнью, но он сам сбился с пути, ослепленный жадой денег и тщеславием.

Получив богатую семью, он не смог жить спокойно по тем правилам, что начертил для него Хэ Е, тоскуя по внешней свободе и блеску, но не имея смелости шагнуть за дозволенные рамки.

Всю оставшуюся жизнь он проведет в самобичевании.

— Ты можешь развестись и начать новую жизнь. Всё может идти так, как ты сам того пожелаешь.

— Желаю удачи.

Хэ Е забрал у Ли Цзихэна положенную ему темную энергию и, покидая чужую оболочку, тихо бросил напоследок.

Ли Цзихэн с трудом разлепил тяжелые веки. Прежде чем он успел полностью совладать со своим телом, ему померещилось, как темный водоворот постепенно сжимается и наконец исчезает совсем.

В его комнате больше не оставалось никаких следов потусторонней энергии.

Началось его перерождение.

Хэ Е сейчас находился в личном пространстве Моки.

[Хозяин, общая сумма темной энергии составляет 34650 баллов. Желаете активировать разблокировку способностей?]

Пространство представляло собой первозданный Хаос, по которому, словно рябь по воде, расходились круги изнутри наружу: — Разблокируй.

Голос Моки звучал торжественно и строго, в нем не было ни капли прежней угодливости, которую он проявлял во внешнем мире.

[Разблокировка способностей.]

Две вспышки света пронесли по пространству, и Хаос, словно живое существо, дважды сжался и расширился, после чего голос Моки снова зазвучал: [Потрачено 34600 баллов энергии. Разблокирован навык: Шёпот Сердца на 30%, разблокировано ячеек хранения: 5.]

[Хозяин, есть новый заказ. Принять?]

— Принять.

На этот раз заказчика звали Чжоу Чи.

Семья Чжоу была весьма состоятельным и влиятельным семейством в городе Q. Они вели себя сдержанно, и посторонние люди редко знали об истинных масштабах их состояния.

Чжоу Чи ничем от них не отличался: за все годы учебы лишь единицы среди его однокурсников догадывались о его происхождении.

Поступив в художественный институт города J, на первом курсе Чжоу Чи познакомился со старшекурсником с факультета масляной живописи по имени Тао Чжиян, который принялся настойчиво за ним ухаживать.

Тот был настоящей звездой их потока, показывал отличные успехи в учебе, пользовался особым расположением преподавателей и участвовал в известной на всю страну студенческой художественной выставке, где завоевал две награды. Одно из его полотен присмотрел некий богач и предлагал выкупить за 100 тысяч, но Тао Чжиян отказался, так что его имя уже успело прогмеметь в художественных кругах.

Помимо блестящих перспектив в профессиональной сфере, Тао Чжиян слыл известным в узких кругах литературным бродягой и сердцеедом.

Он вел крайне легкомысленный образ жизни: женщины делали от него аборты, мужчины резали себе вены из-за неразделенной любви, за что друзья в шутку прозвали его «убийцей сотен сердец». Он то и дело твердил о самопожертвовании ради искусства, обладал чувствительным и переменчивым характером и был чистокровным творческим интеллигентом.

Его меланхоличный темперамент и глубокий взгляд создавали ощущение, будто он источает электричество даже при простом взгляде, а когда во взгляде читалась нежность, разрушительная сила становилась поистине колоссальной.

Чжоу Чи пал жертвой именно такого мужчины.

Тао Чжиян долго и упорно добивался его, но стоило заполучить желаемое, как он тут же пустился во все тяжкие и изменил.

Когда Чжоу Чи застал его с поличным, Тао Чжиян лишь невозмутимо приподнялся на кровати, закурил сигарету и равнодушно произнес: — Давай расстанемся. У нас разные взгляды на жизнь, и я не могу смириться с существованием, похожим на стоячую воду.

Если бы на этом история закончилась, ладно бы. Просто Чжоу Чи не повезло, у него ужасный вкус, и его первой любовью оказался негодяй с изъянами в морали.

Побув какое-то время в исцелении душевных ран — быстрее или медленнее, — он бы оправился от сердечной боли.

К сожалению, Тао Чжиян не собирался отпускать его так легко.

Он многократно умолял о воссоединении, но, сходясь вновь, не мог унять свои ноги и оправдывал измены красивыми словами о том, что ищет вдохновение.

Поскольку он не мог получить достаточно вдохновения от Чжоу Чи, он то и дело чувствовал истощенность и нуждался в стимуляции со стороны новых людей и событий.

Чжоу Чи страдал невероятно.

Каждый раз, когда он принимал твердое решение порвать с Тао Чжияном раз и навсегда, стоило тому прийти и начать докучать, как его сердце неизменно смягчалось.

Об их романе узнали родители, и отец Чжоу потребовал, чтобы тот прекратил всякие отношения с Тао Чжияном и немедленно вернулся домой.

Увы, как раз в это время Тао Чжиян из-за вождения в нетрезвом виде попал в аварию и был вынужден выплатить огромную компенсацию. Совершенно потерянный, он пришел к Чжоу Чи с просьбой о воссоединении и приюте до полочки.

В представлении Чжоу Чи Тао Чжиян всегда был баловнем судьбы: хотя в его манерах и сквозила меланхолия, это была вовсе не тоска непризнанного гения — напротив, жизнерадостность и боевой дух являлись для него нормой.

Чжоу Чи еще никогда не видел его в столь жалком и падшем состоянии, не выдержал и согласился.

Отец Чжоу в гневе отрекся от сына.

Какое-то время они жили бедно, но счастливо. Тао Чжиян вернулся на путь истинный и часто, сжав руку Чжоу Чи, с переполнявшими его эмоциями клялся, что больше никогда не сделает ничего, что могло бы причинить Чжоу Чи боль.

Чжоу Чи чувствовал себя счастливым, и всякий раз, когда вспоминал отрекшихся родителей, утешал себя клятвами Тао Чжияна, фантазируя, что через несколько лет родители увидят их искренние чувства и, возможно, примут их связь.

Год спустя неожиданно вернулся недостижимый белый лунный свет Тао Чжияна, Чжун Кэ. Тао Чжиян вернулся домой пьяным в стельку и без конца повторял имя Чжун Кэ.

Месяц спустя Тао Чжиян расстался с Чжоу Чи, заявив, что нашел источник своего вдохновения, музу всей своей творческой жизни, и умоляя дать им благословение.

Полгода спустя Тао Чжиян провел персональную выставку картин, которая увенчалась колоссальным успехом. Ему удалось продать одно из полотен по астрономической цене, пробившись в ряды первоклассных художников.

Его привлекательная внешность и меланхоличный, уникальный темперамент быстро принесли ему огромную популярность в художественных и развлекательных кругах.

В то же время в прошлом Тао Чжияна начали копаться, и присутствие Чжоу Чи неизбежно всплыло наружу.

К тому моменту Чжоу Чи все еще был погружен в боль, принесенную этими отношениями, еще не оправился от удара и находился в полном забытии насчет того, что происходило вокруг.

В этот день он получил приглашение. Озадаченный, он прибыл по указанному адресу и лишь тогда узнал, что это пресс-конференция Тао Чжияна.

На встрече Тао Чжиян успешно создал образ искупившего грехи блудного сына с глубокими чувствами, который глушил чужой любовью боль от неразделенной страсти, преодолевал превратности судьбы и невзгоды, проходил через недопонимания и запутанные конфликты, чтобы в конце концов обрести счастливый финал со своей суженой, своей заветной музой под

луной — Чжун Кэ.

У Тао Чжияна был подвешен язык, да к тому же эмоциональный накал оказался на высоте: в зале некоторые экзальтированные фанатки даже проливали слезы умиления над их тернистой любовью, рыдая навзрыд.

Чжоу Чи, сидевший среди зрителей, в этот момент был кем-то вытолкнут вперед.

Под всеобщим прицелом глаз, под полным безразличности взглядом Тао Чжияна он получил ответ, которого так добивался.

— Любящих меня людей слишком много, но моя единственная возлюбленная — это Чжун Кэ.

— Чжоу Чи? Это он вечно преследовал меня, разрушая мои отношения с Чжун Кэ! Предпочел бы никогда в жизни не знать такого человека!

Тао Чжиян выглядел так, будто не хотел говорить об этом больше ни слова. Его фанатики-фанатки додумали в своем воображении бесчисленные отвратительные поступки Чжоу Чи и стали распространять их в социальных сетях со скоростью вируса.

Чжоу Чи успешно превратили в коварного и злобного мерзавца.

Кое-кто утверждал, будто видел своими глазами, как Чжоу Чи давал Чжун Кэ пощечины и даже требовал, чтобы та встала на колени.

Эта фраза окончательно воспламенила гнев одержимых фанатов: они не только раскопали адрес Чжоу Чи, его место работы и контакты, но и завалили его угрозами в сообщениях и посылках, загнав в ловушку жестокости, от которой негде было спрятаться.

Если бы за всем этим никто не стоял, направляя и подливая масла в огонь, дело никогда бы не зашло так далеко. Чжоу Чи потерял работу, стал объектом пересудов и насмешек. Одиноким и сломленным, он в конечном итоге не смог вынести этой жизни, похожей на бездонную пропасть, где нет никакой надежды, и решил покончить с собой, уморив себя голодом.

Его просьба: отомстить Тао Чжияну — ловеласу и подлецу, воображающему себя творческой натурой, — так, чтобы тот всю жизнь жаждал любви, но не мог её получить.

Хэ Е выбрал точку входа: летние каникулы после выпускных экзаменов, до того, как Чжоу Чи встретился с Тао Чжияном.

Он пришел в себя в спальне Чжоу Чи. Обстановка комнаты отражала характер своего хозяина — мягкость и уступчивость. Возможно, дело было в строгом семейном воспитании, а возможно, в том, что родители Чжоу Чи предъявляли к детям слишком завышенные требования, но с самого детства Чжоу Чи был окружен лишь хорошо воспитанными и успешными сверстниками.

Именно поэтому Тао Чжиян, казавшийся таким свободным, дерзким и пренебрегающим скучной обыденностью, выглядел в его глазах чем-то совершенно особенным и притягательным.

Однако теперь в этом теле обитал Хэ Е, и все уловки Тао Чжияна здесь были обречены на провал.

Хэ Е открыл шкаф и среди аккуратно сложенных вещей с трудом отыскал черную футболку с вызывающим изображением зарубежного рок-музыканта на груди. Весь гардероб Чжоу Чи состоял из одежды в едином стиле: лаконичной, качественной, с безупречным кроем — такой, что на первый взгляд кажется незаметной, но всегда сидит удобно и к месту.

— Эта футболка досталась Чжоу Чи в подарок от магазина при покупке музыкального альбома, — подсказал Мока, стоя рядом с Хэ Е. — Пожалуй, это единственная вещь, настолько... выходящая за рамки приличий в его гардеробе?

Мока на секунду запнулся, подыскивая подходящее описание.

Хэ Е сбросил белоснежную футболку, обнажив стройное тело. Он окинул взглядом еще не окрепшие мышцы груди и пресса и криво усмехнулся.

Выходящая за рамки? Это определение ему понравилось.

— Эту тушку тоже пора приводить в форму.

Хэ Е взъерошил свои короткие волосы, натянул черную футболку, надел джинсы с подвернутыми штанинами и кеды.

Когда он спустился вниз в таком виде, тетушка-экономка, наводившая порядок на столе, инстинктивно подняла голову и от неожиданности выронила чашку.

— Сяо Чи?

Испуганный возглас женщины привлек внимание Чжоу Бошаня, отца Чжоу Чи, который сидел в гостиной за книгой. Он повернулся и окинул взглядом длинную, худую фигуру сына.

Всего один взгляд заставил Чжоу Бошаня нахмуриться:

— Что это на тебе надето? Безобразие! Иди переодейся.

Чрезмерная осторожность и сдержанность Чжоу Чи были тесно связаны с авторитарным стилем воспитания Чжоу Бошаня. Чжоу Чи всегда уважал отца и даже побаивался его, но сейчас внутри этого тела находился Хэ Е. А в личном словаре Хэ Е слова «страх» просто не существовало.

Он сунул руку в карман брюк, заметил на журнальном столике ключи от машины и, проявив поразительную ловкость, схватил их.

— Разве не круто? Одолжи машину, вечером верну! — с улыбкой бросил он на прощание и выбежал из дома.

Чжоу Бошань опешил. Посмотрев на растерянную экономку, он подавил удивление и снова уткнулся в книгу. Неужели это только что был мой сын?

Хэ Е своим поведением наглядно доказывал Чжоу Бошаню, насколько невыносимым может стать сын, переживающий пубертатный период.

Он перестал нормально одеваться, накопил кучу рваных джинсов и футболок с черепами, перед выходом намеренно пачкал чистые кеды, возвращался домой все позже и позже...

Чжоу Бошань кипел от ярости, а Хэ Е лишь улыбался, пытался тушить пожар шутками, хлопал отца по плечу и совершенно не терялся. Когда отец читал ему нотации, он послушно слушал, а потом делал все по-своему. Настоящий «непробиваемый» тип.

Чжоу Бошань, терзаясь, выговаривал жене:

— Ты посмотри на него! На кого стал похож наш сын!

Мать Чжоу была не менее ошарашена: переходный возраст сына нагрянул внезапно, без всяких предупреждений, и она до сих пор не могла прийти в себя.

— Сяо Чи, что с тобой происходит? Ты на себя не похож.

— А каким я должен быть? — Хэ Е закинул ногу на ногу, небрежно покачивая ступней. От него веяло полным безразличием. — Послушным? Удобным? Жить по вашим планам? Я столько лет существовал согласно вашим ожиданиям, но теперь я совершеннолетний. Я хочу жить так, как хочется мне.

Чжоу Бошань вскипел:

— Жить так, как хочется тебе? Все, что у тебя есть, — это я тебе дал! Что ты из себя представляешь?

— Бошань! — одернула его жена, намекая, что не стоит бросаться обидными словами и портить

отношения с сыном.

Но сын не обиделся, а лишь широко ухмыльнулся:

— Разумеется, ты же мой отец. Раз уж зашла об этом речь, дай мне какую-нибудь небольшую фирму, я хочу попробовать свои силы.

Чжоу Бошань вытаращил глаза, словно надеясь одним лишь взглядом превратить этого наглеца обратно в прежнего послушного ребенка.

— Еще и наследства захотел? С сегодняшнего дня все твои карты заблокированы! За каждый потраченный грош будешь отчитываться мне!

Хэ Е невозмутимо ответил:

— Хорошо. Тогда пойду петь на улицах, заодно проверю, зря ли я столько лет посещал уроки музыки.

Чжоу Бошань был в тупике — не запирайте же парня в четырех стенах. К тому же, сын не совершал ничего предосудительного, проявил инициативу в семейном бизнесе — просто характер немного изменился.

После нескольких проверок Хэ Е почти полностью изучил характеры родителей. Они действительно были слишком строги в вопросах воспитания, ограничивали его во всем, и поскольку Чжоу Чи всегда был чрезмерно покладистым, они просто перестали замечать его истинные желания.

В итоге, прощупывание почвы прошло успешно — результаты оказались куда лучше, чем он ожидал. Родители хоть и злились, но по существу дела вскоре удовлетворили его просьбу. Через неделю у Хэ Е в собственности появилась небольшая компания.

Тао Чжиян вместе с друзьями зависал в баре. На танцполе творилось безумие, яркие огни слепили глаза. Вернувшись с танцпола, разгоряченные парни принялись за выпивку.

— Чжиян, тот очкарик все еще бежит за тобой?

— Угу. Зачем о нем вспоминать, только аппетит портит, — Тао Чжиян сделал глоток и затуманенным взглядом уставился в центр зала.

— ...На что смотришь?

Тао Чжиян ответил с небольшой задержкой:

— Ни на что.

Друзья переглянулись и усмехнулись:

— Похоже, заметил новую красавицу?

— Ты такой бессердечный: Сяо Цин ради тебя вены вскрыл, а ты его бросил даже глазом не моргнув.

— Вы же знаете, кто такой Чжиян. Настоящий покоритель сердец.

— Но он далеко не на всех клюет. Главный критерий — внешность. Иначе тот неприметный очкарик давно бы затащил его в постель, ха-ха!

— Неужели все творческие личности такие? Повернуты на внешности? Говорят, искусство берет начало в жизни, и это правда. Как там говорят? Художники — натуры тонкие, они не станут тратить внимание на посредственностей.

— Ха-ха-ха, впервые слышу такую фразу...

Друзья продолжали обсуждать «подвиги» Тао Чжияна, используя их как повод для пьяных шуток. Сам Тао Чжиян лишь улыбался, потягивая вино и делая вид, что слушает. Время от времени цветные блики ложились на его брови, делая взгляд глубоким, меланхоличным и обманчиво чувственным.

Когда они вышли из бара, было уже за четыре утра. Попрощавшись с друзьями, Тао Чжиян направился к своему съемному жилью. Небо начало светлеть, а алкоголь давал о себе знать — в висках пульсировала боль. Он ускорил шаг, достал ключи, мечтая поскорее добраться до кровати.

Но кто-то явно не желал ему спокойного отдыха.

Тао Чжиян остановился и с каменным лицом уставился на человека, который вскочил, завидев его.

— Тао Чжиян...

Человек дрожащими губами пытался что-то сказать, но не осмеливался подойти ближе.

Тао Чжиян решительно подошел, схватил очкарика за воротник и прошипел:

— Проваливай! Чтобы я тебя больше не видел, иначе...

Он с силой толкнул его на стену, глядя с нескрываемым отвращением, будто на что-то грязное.

Когда безжалостная фигура скрылась в подъезде, Юань Ци — тот самый очкарик — опустошенно прошептал в пустоту:

— Я просто... люблю тебя...

На следующий день Тао Чжиян проснулся только после обеда — его разбудил звонок от куратора. Тот сообщил, что его знакомый, владелец отеля, ищет художника для создания масштабной настенной росписи, и предложил кандидатуру Тао Чжияна. Куратор спросил, готов ли он взяться за работу.

<http://bllate.org/book/21638/2232759>